

Орлов А.А.

МГИМО МИД России,
директор Института международных исследований,
профессор Кафедры дипломатии

**Страницы истории советско-испанских отношений:
старт после паузы
(воспоминания дипломата)**

Аннотация: В статье, написанной в жанре научно-мемуарной литературы, рассказывается об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией в феврале 1977 года и о некоторых примечательных эпизодах во взаимоотношениях двух государств в последующий период.

Ключевые слова: СССР, Испания, гражданская война, франкизм, демократический транзит, посол, обмен нотами, «испанское золото», терроризм, холодная война.

Alexander A. Orlov
(University MGIMO, Moscow, Russia
Director of the Institute for International Studies,
Professor of the Department of Diplomacy)

**Pages of history of the Soviet-Spanish relations:
start after a pause
(memoirs of the diplomat)**

Abstract: In the article written in a genre of scientific and memoirs literature it is told about establishment of diplomatic relations between the USSR and Spain in February, 1977 and about some remarkable episodes in relationship of two states during the subsequent period.

Keywords: USSR, Spain, civil war, democratic transit, ambassador, exchange of notes, «the Spanish gold», terrorism, Cold War.

Alexander A. Orlov
(Universidad MGIMO, Moscú, Rusia
Director del Instituto de Estudios Internacionales,
Profesor de la Cátedra de la Diplomacia)

**Algunas páginas de la historia de las relaciones soviético-españolas:
reinicio después de una pausa (memorias de un diplomático)**

Resumen: En el artículo escrito al género de memorias científicas, el autor comparte sus recuerdos del proceso del establecimiento de las relaciones diplomáticas entre la URSS y España a finales de los 70 del siglo pasado, en el que él participó directamente, así como describe algunos episodios remarcables en las relaciones entre los dos Estados en el período ulterior.

Palabras clave: relaciones diplomáticas soviético-españolas, franquismo, tránsito democrático, URSS, España, «oro de Moscú», terrorismo, guerra fría.

Несмотря на географическую удаленность России и Испании, которая до появления современных средств транспорта требовала от путешественника солидного упорства, а также времени и даже здоровья, чтобы ради достижения вожаемой цели — ступить на землю солнечной, загадочной Испании или холодной, таинственной России — пересечь всю Европу в тряской карете или обогнуть Старый Свет на борту корабля, обрекая себя на морскую болезнь, штормы и штили, оба наших государства традиционно были безразличны друг другу, поддерживая на протяжении десятилетий и даже веков вполне корректные взаимоотношения.

Обычно своеобразным движителем сближения двух стран и народов выступает торговля. В случае России и Испании — это, безусловно, культура. Произведения испанских классиков — прежде всего Сервантеса и Лопе де Вега — оказались в силу наличия тонких, зачастую неведомых душевных струн близки жителям многонациональной России, а шедевры Льва Толстого, Достоевского, Тургенева нашли свои потаенные подходы к темпераментной испанской натуре.

Но особенно сблизили наши народы трагические события гражданской войны в Испании, оставившие свой неизгладимый след в жизни и душевном состоянии, по крайней мере, двух поколений советских людей, на которых они неизменно навевали чувства патриотизма, солидарности и романтики, рожденные совместной борьбой с только поднимавшим голову фашизмом.

В Испании схожие чувства, правда, испытывали только те, кто воевал на стороне республиканцев или их родные и близкие. Сторонниками же франкистского лагеря двигали прямо противоположные настроения, в чем мне пришлось неоднократно убедиться позже, когда в Испании начался «демократический транзит», который не все испанцы восприняли одинаково: кто-то активно поддержал, и таких было большинство, кто-то, наоборот, отверг, но таких было меньшинство, а кто-то просто затаился, ожидая чем все это закончится. И таких было немало.

В Советском Союзе к «демократическому транзиту» поначалу отнеслись весьма настороженно, без излишних надежд на то, что он приведет к реальным переменам. Казалось, что в «забетонированной» генералиссимусом Франко Испании в лучшем случае возможно только подкрашивание старого, обветшалого политического фасада. Вступивший на престол в ноябре 1975 года в возрасте 37 лет Хуан Карлос I воспринимался как «темная лошадка», подготовленная диктатором себе на замену, своего рода марионетка в руках гораздо более маститых, прошедших через войну и дворцовые интриги последующих лет придворных Франко. А фигура «серого» во всех отношениях — и политически и внешне — последнего франкистского¹ и одновременно первого постфранкистского премьера Карлоса Ариаса Наварро (Carlos Arias Navarro), прославившегося в годы гражданской войны массовыми кровавыми репрессиями против республиканцев в занятой мятежниками Малаге, но затем, с годами, «эволюционировавшего» в сторонника «умеренных реформ», особых симпатий в Москве, естественно, не вызывала.

Однако первоначальный пессимизм Кремля постепенно стал сменяться «осторожным оптимизмом». Особенно это стало заметно, когда в июле 1976 года Ариаса Наварро в премьерском кресле сменил молодой и харизматичный Адольфо Суарес Гонсалес (Adolfo Suárez González). И хотя он тоже вышел из франкистского истеблишмента, занимая при каудильо важный пост директора Испанского радиовещания и телевидения, то есть фактически — идеологического рупора режима, а в последнем правительстве Ариаса Наварро — еще более важный пост министра — генерального секретаря единственной легальной партии «Национальное движение», являвшейся институциональной опорой франкизма, своими мыслями он был обращен в будущее. Именно Адольфо Суарес инициировал «демократический транзит» — плавный переход от франкистской диктатуры к демократической модели государственного устройства Испании.

И все же в начале премьерской карьеры Суареса надежда на то, что переход станет плавным и относительно безболезненным, была весьма призрачной. Всемогущий франкистский «бункер», основу которого составляли преданные генералиссимусу военные, казался прочным и почти что всемогущим. Тем не менее Суаресу, который опирался на поддержку Хуана Карлоса I, удалось консолидировать вокруг своего нового курса весьма разношерстную коалицию политических сил, само формирование которой за пару лет до этого казалось абсолютно немыслимым делом. Хотя название «коалиция» кому-то может показаться спорным, поскольку формально никакой коалиции, конечно, не было, однако фактически она сложилась — коалиция в поддержку демократических реформ. В нее вошли реалистично мыслящие деятели из окружения Франко, ко-

¹ К. Ариас Наварро вступил в должность в начале 1974 года после убийства террористами ЭТА его предшественника адмирала Карреро Бланко (Luis Carrero Blanco) в декабре 1973 года.

торых тогда называли «эволюционистами» либо «цивилизованными правыми»; более молодые функционеры прежнего режима, стремившиеся сохранить и упрочить свои позиции в новой Испании; умеренные представители католических кругов, традиционно являвшихся опорой прежнего режима; настроенные на перемены военные; бывшие политические противники каудильо из числа тех сил, которые противостояли франкистам во время гражданской войны, а в годы диктатуры составлявшие нелегальную оппозицию — прежде всего социалисты (ИСРП) и коммунисты (КПИ), включая представителей ориентировавшихся на них также нелегальных профсоюзов — Всеобщего союза трудящихся и Рабочих комиссий; умеренные националисты из Каталонии и Страны Басков; различные интеллектуалы, которые, будучи независимыми мыслителями, в последние годы франкизма во многом определяли направление мысли и настроений либеральной части правящего класса Испании, подталкивая его к необходимости перемен; молодежные и студенческие группы и организации, являвшиеся носителями идей свободы и демократии.

Однако в нашем повествовании мы забежали немного вперед. Для того, чтобы в Испании сформировалась широкая коалиция в поддержку демократии, Суаресу нужно было сделать ряд осязаемых шагов, способных убедить испанское общество, что его политические намерения — не просто красивые слова, своего рода «дымовая завеса», а реальная программа кардинальных преобразований. Надо сказать, что молодой премьер решил не тянуть с этим, и уже в сентябре 1976 года был опубликован проект закона о политической реформе, в соответствии с которым предполагалось заменить франкистские кортесы двухпалатным парламентом, избираемым на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. При этом само историческое название этого института — кортесы — решено было сохранить. В декабре того же года указанный законопроект был вынесен на общенациональный референдум. В его поддержку высказалось 94,2 % из числа принявших в плебисците участие испанцев. Была проведена амнистия, в результате которой на свободу вышло большинство политзаключенных, фактически легально стали действовать политические партии. Так, в декабре 1976 года в Мадриде состоялся XXVII съезд формально еще запрещенной Испанской социалистической рабочей партии, на котором присутствовали видные фигуры мировой социал-демократии — Вилли Брандт, Франсуа Миттеран, Улоф Пальме и ряд других.

Тем не менее было бы ошибкой утверждать, что процесс избавления Испании от наследия франкизма протекал гладко и безпроблемно, не сталкивался с подводными камнями, само наличие которых объяснялось как чисто инерционными факторами, так и действиями скрытых и явных противников реформ. В декабре 1976 года произошло событие, во многом неожиданное, но по-своему знаковое, от которого сразу повеяло франкистским прошлым: в Мадриде был арестован Генеральный секретарь Компартии Испании (КПИ) Сантьяго Каррильо (Santiago Carrillo Solares). Лидер испанских коммунистов прибыл на свою родину тайно, из Франции, где многие годы проживал в вынужденной эмиграции. Все тогда думали, что его нахождение в Испании было для властей «секретом Полишинеля». Считалось, что вопрос состоял только в том, когда и в какой форме будет формализована легализация оппозиционных партий, включая КПИ. Задержание Каррильо, который ходил для маскировки в парике, ставшим впоследствии неизменным атрибутом многочисленных историй и баек об этом политике, а также еще семи руководителей компартии, потребовало реакции со стороны Кремля, несмотря на то, что к тому времени отношения КПСС с «еврокоммунистическим» ядром КПИ сильно испортились и были весьма натянутыми. Трудно было навскидку понять, что стоит за арестом генсека испанской компартии — поворот в курсе правительства Суареса или некий казус, связанный с самостоятельностью ретивых правоохранителей, ностальгирующих по франкизму. Каррильо и его соратники пробыли в заключении в печально знаменитой мадридской тюрьме Карабанчель восемь дней, после чего были отпущены на «временную свободу» под залог в полтора миллиона песет. По оценкам, которые преобладают в современной политической литературе, Каррильо во многом сам спровоцировал свое задержание, чтобы побудить власти форсировать легализацию КПИ. Это — вполне правдоподобно, поскольку уже в начале марта 1977 года, то есть через два «с хвостиком» месяца после его вызволения из тюрьмы, в Мадриде в присутствии лидеров компартий Франции и Италии Жоржа Марше и Энрике Берлингуэра Каррильо официально презентовал «еврокоммунистическое» движение, а 9 апреля Компартия Испании получила легальный статус. Но в декабре 1976 года подобное развитие событий было не столь очевидно. Тем более что вскоре после освобождения Каррильо Испанию потрясло совершенное правыми экстремистами дерзкое, демонстративное преступление — убийство в самом центре Мадрида,

на улице Аточа, четырех связанных с компартией адвокатов. Так что в самом начале постфранкизма все могло случиться, и жизнь генсека КПИ вовсе не была застрахована.

Мне приходилось тогда слышать от старших товарищей по работе, что инцидент с Каррильо задержал нормализацию советско-испанских отношений на полтора-два месяца, а освобождение генсека стало сигналом к тому, что процесс может быть продолжен. Сегодня трудно с полной достоверностью сказать, так это или нет. Ю. В. Дубинин, который в тот период являлся заведующим Первым Европейским отделом МИД СССР, в своей статье «Становление современных российско-испанских отношений», опубликованной в журнале «Международная жизнь», пишет, что «в январе 1977 года испанское правительство предложило СССР провести переговоры об установлении дипломатических отношений. Москва дала положительный ответ. ... Переговоры состоялись 26 и 27 января (1977 года — А. О.) и прошли конструктивно» [1]. В пользу версии о том, что какие-то дипломатические контакты все же предшествовали этому, говорит то, что чисто бюрократически согласовать столь быстро (получается, за две — максимум три недели) и, по сути, «с нуля» сроки и повестку дня переговоров при отсутствии дипотношений очень сложно. Однако, пусть это останется маленькой тайной «мадридского двора» и «Смоленской-Сенной».

Для проведения переговоров в Москву прибыл Генеральный директор Департамента Европы и атлантических дел (*Dirección General de Política Exterior para Europa y Asuntos Atlánticos*) МИД Испании Антонио Элиас Мартинена (*Antonio Elías Martinena*). С советской стороны переговоры было поручено вести Ю. В. Дубинину. Для меня эта испанская эпопея была настоящим праздником — за полгода до этого я закончил МГИМО. Сейчас в российском МИДе Испанией занимается довольно много сотрудников, а тогда эта «Страна за Пиренеями» была настоящей экзотикой. Менее чем за три года до описываемых событий, в апреле 1974 года, в Португалии произошла «революция гвоздик», покончившая с многолетним диктаторским режимом Салазара — Каэтано. Были нормализованы двусторонние советско-португальские отношения. Это потребовало создания отдельного Сектора Испании и Португалии в Первом Европейском отделе. Но на момент начала «испанской истории» трудилось в нем, если мне не изменяет память, всего 4 или 5 человек, причем, что естественно, с «португальским уклоном». Работы же на испанском направлении было — непочатый край, поскольку задача состояла в том, чтобы подготовить основу для воссоздания отношений с крупным европейским государством, с которым прежде нашу страну связывали прочные политические, военные, экономические и чисто человеческие связи, в которых затем образовался почти сорокалетний перерыв.

Не правильно было бы утверждать, что в конце 1976 — начале 1977 годов Москва и Мадрид начинали новый этап в своей истории полностью с «чистого листа». К этому времени между ними уже получили определенное развитие торгово-экономические и культурные контакты. Были и спорадические встречи на дипломатическом и даже политическом уровнях. Необходимо упомянуть о первом «зондаже» намерений сторон в ходе неформальной беседы в 1960 году между советским и испанским послами в Париже, С. А. Виноградовым и графом де Каса Рохас (*José Rojas y Moreno, Conde de Casa Rojas*). В 1969 году «техническую остановку» в Москве осуществил министр иностранных дел Испании Грегорио Лопес Браво (*Gregorio Lopez Bravo*)². В период выработки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе состоялись две встречи между министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и его испанским коллегой Лауреано Лопесом Родо (*Laureano Lopez Rodo*) — в июле 1973 года в Хельсинки и в сентябре того же года в Нью-Йорке на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Начало 1960-х годов отмечено первыми торговыми сделками. В частности, в Бильбао была доставлена партия советских тракторов в количестве 150 машин, а в Одессу — несколько тонн испанского волокна. В 1964 году Советский Союз впервые был представлен на международной выставке в Барселоне. В 1967 году в Париже состоялся обмен письмами между Министерством морского флота СССР и Министерством морского торгового флота Испании о доступе советских судов в порты Испании и испанских судов в порты СССР, что позволило через три года открыть представительство Черноморского морского пароходства в испанской столице. Следующим шагом явилось создание в 1971 году смешанной советско-испанской компании «Совис-

² Активность Лопеса Браво на посту главы мадридской дипломатии испанская и иностранная пресса связывала с желанием Испании «изменить курс» и называла «испанской дипломатической бомбой». Его «техническая остановка» в Москве — столице «коммунистического социализма» и поездка в Брюссель — столицу «объединенной Европы», на закрытие выставки «Испанский портрет», заставили понять, что «в испанской внешней политике происходит что-то новое» [2, с. 234].

пан», сыгравшей в свое время существенную роль в развитии торгово-экономических связей между двумя странами, прежде всего в рыболовной сфере. На этом стороны не остановились, и в 1972 году было подписано межправительственное торговое соглашение, на основе которого в Москве и Мадриде были открыты торговые представительства двух стран, которые с 1974 года, наряду с торговыми, стали официально выполнять и консульские функции. А неофициально, по умолчанию, — и дипломатические. На момент описываемых событий торговым представителем Испании в СССР был кадровый дипломат, посол Рафаэль Феррер Сагрерас (Rafael Ferrer Sagreras). А вот представитель МИД СССР С. А. Богомолов не являлся главой советского торгпредства в Мадриде. Он трудился в испанской столице в должности заместителя руководителя нашей торговой миссии.

Но вернемся к визиту в Москву испанской делегации во главе с Антонио Элиасом, в ходе которого был согласован текст сообщения о нормализации советско-испанских отношений. В этом документе сказано об установлении, а не о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Испанией. Мне позже многократно задавали вопрос об этом, причем всякий раз пытались доказать, что это, видимо, ошибка, допущенная переговорщиками по недоразумению. Ошибки здесь никакой нет. Логика позиции советской стороны — а именно мы настояли на слове «установление» — заключалась в том, что Советский Союз полностью нормализует отношения с новой, демократической Испанией, отменяя тем самым всякое франкистское наследие. Ю. В. Дубинин, помнится, твердо стоял на этой позиции — а он умел жестко и последовательно проводить нашу линию, в том числе и по другим вопросам. Вся его богатая дипломатическая карьера это убедительно подтвердила. В конце концов испанцы согласились с нашими доводами.

Антонио Элиас запомнился как весьма умелый, тонкий дипломат. Мне трудно судить, каких политических взглядов он придерживался, поскольку и в ходе переговоров, и в дипломатическом общении он был выдержан и предельно корректен. Чем, как казалось, завоевал симпатию у Ю. В. Дубинина. Это — не пустое замечание, поскольку на заре демократии в Испании некоторые испанские собеседники особо не скрывали или скрывали, но плохо, что, мягко выражаясь, не слишком симпатизируют нашей стране. К этой категории, как мне показалось, относился и испанский торгпред в Москве Рафаэль Феррер. Во всяком случае среди сотрудников Сектора Испании и Португалии существовало твердое убеждение, что этот высокий, сухопарый, с выраженными элементами надменности в поведении дипломат, большая часть сознательной жизни которого была связана с франкизмом, едва ли был носителем иных воззрений. Феррер не отпускал Элиаса от себя ни на шаг. Со стороны казалось, что в стане испанцев существовало скрытое соперничество за позиции «первого лица» на переговорах. А, возможно, Феррер просто видел в Элиасе своего конкурента. Он откровенно позиционировал себя как будущего испанского посла в Москве и, судя по всему, связывал с этим предполагаемым назначением виды на дальнейшее быстрое продвижение по карьерной лестнице. Его планам, как известно, не суждено было реализоваться. Первым послом демократической Испании в Советском Союзе станет Хуан Антонио Самаранч (Juan Antonio Samaranch y Torelló), чей политический вес, конечно, был несопоставим с возможностями Феррера. Хотя, вполне вероятно, назначение Феррера на пост посла в Москве кто-то в Мадриде действительно активно лоббировал, и даже, может быть, существовали какие-то конкретные договоренности на сей счет.

Кандидатура Самаранча появилась, как я помню, совершенно неожиданно. Сектору было дано срочное задание узнать побольше о нем. Выяснилось, что он в молодости состоял в фаланге, в течение 10 лет был членом франкистских кортесов (*procurador* — так Франко решил называть депутатов своего парламента, по некоторой аналогии с членами старинных кортесов Кастилии, чтобы избежать любой либеральной ассоциации), в 1970-е годы председательствовал в Провинциальном совете Барселоны. В общем, на первый взгляд, ничего хорошего от предложенной испанцами кандидатуры своего первого — после долгого перерыва в отношениях — посла в СССР ожидать не следовало. На то обстоятельство, что Самаранч с 1974 года был вице-президентом Международного Олимпийского комитета (МОК), никто даже не обратил внимания. А напрасно! О Хуане Антонио Самаранче можно рассказывать много. Благодаря своей бурной энергии, неистовой активности, прочным позициям в политическом и экономическом истеблишменте Испании, личному обаянию, этот человек очень быстро сумел создать для себя в Москве прочные позиции «нашего испанского друга», обзавестись широким кругом знакомств в самых различных сферах, в том числе и на высшем политическом уровне, что позволило ему получить поддержку Национального Олимпийского Комитета СССР и НОКов социалистических стран

при выборах Президента Международного Олимпийского комитета в 1980 году, состоявшихся в ходе Московской Олимпиады. И главное: по-моему, он относился к Советскому Союзу, нашей стране с искренней симпатией и глубоким уважением. При его непосредственном участии советско-испанские отношения получают хороший стартовый импульс. Но это будет позже³.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Испанией были установлены 9 февраля 1977 года. Этот акт был оформлен путем обмена нотами между членом Политбюро ЦК КПСС, Министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Министром иностранных дел Испании Марселино Ореха Агирре (Marcelino Oreja Aguirre). В совместном сообщении об этом говорилось, что СССР и Испания будут развивать отношения между собой на основе принципов мирного сосуществования, в соответствии с Уставом ООН и в духе договоренностей, достигнутых на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Одновременно была выражена обоюдная уверенность в том, что установление дипломатических отношений между СССР и Испанией будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и других областях на благо советского и испанского народов, в интересах укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Сама процедура обмена нотами состоялась в заранее согласованное время 9 февраля одновременно в Москве (в 12.00 по местному времени) и в Мадриде (в 10.00 по местному времени). В Москве советская нота была вручена заместителем Министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалевым, курировавшим в МИД СССР Первый Европейский отдел, испанскому представителю Рафаэлю Ферреру. На мероприятии присутствовали Ю. В. Дубинин, другие сотрудники Первого Европейского отдела, от испанцев – сотрудники Торговой делегации Эухенио Бреголат (Eugenio Bregolat Obiols) и Хуан Хосе Сантос. Симптоматично, что Ю. В. Дубинин и Э. Бреголат станут позже послами своих стран, соответственно, в Испании (1978–1986) и в России (1992–1996).

Первым же послом СССР в Испании после нормализации отношений будет назначен С. А. Богомолов, который, в отличие от Феррера, никогда такую перспективу публично не обсуждал. Хотя пробыть в этой должности ему суждено будет недолго. Осенью 1978 года на этом посту его сменит Ю. В. Дубинин, который к тому времени, как говорят в МИДе, несколько зашелся в Центральном аппарате и, видимо, хотел попробовать себя на новом для него поприще действующего посла в крупной и важной с точки зрения советских внешнеполитических интересов европейской стране.

Весной 1978 года мне довелось впервые побывать в Испании и лично познакомиться с С. А. Богомоловым. Невысокий, худощавый, с редкими волосами на голове, хотя ему еще не исполнилось пятидесяти, он произвел на меня впечатление человека скромного, не слишком пробивного, для которого новая высокая должность в Мадриде, вероятно, стала несколько неожиданным, но весьма приятным подарком. Все же совершить головокружительный прыжок с должности замторгпреда в послы не каждому удастся! Мне такое решение советского руководства виделось вполне логичным и правильным. Хотя, возможно, этот шаг имел более глубокий смысл, чем могло показаться на первый взгляд, и носил не только и не столько личностную окраску, а отражал государственный подход: дать понять испанцам, что появление новой, более важной персоны во главе советского дипломатического представительства в Мадриде будет зависеть от того, как будут развиваться советско-испанские отношения на новом этапе и как в принципе будет протекать процесс «демократического транзита», одной из главных составляющих которого было очищение Испании от франкизма.

* * *

Путь к советско-испанскому взаимопониманию после нормализации дипломатических отношений не был простым. В Испании оставались влиятельные силы, не заинтересованные в том, чтобы отношения между нашими странами получили быстрое и поступательное развитие. Как они, видимо, считали, самого факта установления Мадридом дипломатических отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами было вполне достаточно

³ Приехав в Москву, Хуан Антонио уже в ходе своей первой беседы с Ю. В. Дубининым сказал, что его фамилия произносится не Самаранч, а Самаранк. Однако к тому моменту во всех официальных бумагах, связанных с его аккредитацией в качестве посла Испании в СССР, он был указан как Самаранч. Поэтому было решено ничего не менять в произношении его фамилии на русском языке. Да и в принципе, как посчитали все у нас в МИДе, кто имел отношение к Испании, по-русски Самаранч звучит более убедительно, чем Самаранк.

для укрепления позиций демократизировавшейся Испании на мировой арене, но идти дальше по пути углубления таких отношений в планы этой политической группировки вовсе не входило. Под контролем этих сил оставались влиятельные средства массовой информации, которые продолжали, образно говоря, наигрывать франкистские мелодии на своих страницах, стремясь поддерживать негативный образ СССР в испанском обществе, особенно среди той его части, которая традиционно была восприимчива к таким настроениям. В центре этой пропагандистской кампании были две темы — так называемого «испанского золота» и мнимых связей советских спецслужб с баскской террористической организацией ЭТА.

«Испанское золото» — это часть золотого запаса Банка Испании (порядка 510 тонн, или 73 % запасов этого металла), перевезенная в СССР в октябре 1936 года по просьбе республиканского правительства. Инициатором этой операции считается министр финансов Хуан Негрин, который позже возглавит республиканское правительство. «Испанское золото» использовалось для финансирования советских военных поставок республиканцам в ходе гражданской войны в Испании. Доподлинно известно, что «испанское золото» было полностью израсходовано еще за год до завершения войны, то есть в 1938 году, что признается ведущими испанскими исследователями, включая Анхеля Виньяса. В последний год испанской трагедии советские поставки осуществлялись в кредит, в результате чего республиканское правительство осталось должно Советскому Союзу порядка 50 млн долларов. Однако на заре постфранкистской демократии нашлось немало желающих поспекулировать на «золотую» тему, причем подтекст этих спекуляций был весьма банальным: поставки, дескать, осуществлялись по завышенным ценам, а вывезенный золотой запас израсходован не полностью. Постепенно эта тема, тем не менее сошла на нет в политическом дискурсе, и в наши дни она интересует только историков, продолжающих исследования периода гражданской войны. В связи с тем, что в этом году исполнилось 80 лет с начала испанской братоубийственной бойни, тема гражданской войны вновь оказалась в фокусе внимания испанского общества, но главным образом под углом зрения морально-нравственного восприятия этой трагедии.

Что касается проблемы терроризма в Испании, то не будет излишним упомянуть об одном весьма примечательном эпизоде из истории советско-испанских отношений первых постфранкистских лет. В то время, когда определенные силы в Испании нагнетали в провокационных целях страсти вокруг темы «СССР — ЭТА», испанское правительство взяло курс на расширение международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, обращаясь за возможным содействием, в частности, к Франции, которую баскский терроризм затрагивал напрямую, а также к другим государствам, среди которых оказался и Советский Союз. Хотелось бы в этой связи поделиться воспоминаниями о первом пробном «заходе» испанцев, который оказался весьма курьезным.

В ноябре 1978 года в Москве проводилась первая испанская промышленная выставка, для участия в открытии которой в советскую столицу прибыл министр торговли и туризма Испании Х. А. Гарсия Диес (Juan Antonio García Díez), входивший, как мы полагали, в круг лиц, приближенных к Адольфо Суаресу. Вечером 28 ноября он был принят в Кремле Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Это был первый контакт советского руководителя уровня главы правительства с официальным представителем постфранкистской демократической Испании. Беседа началась с традиционных выражений удовлетворения по поводу недавнего установления дипломатических отношений между двумя странами и поступательного развития в последующий период советско-испанских экономических, научно-технических и культурных связей. Казалось, что она будет непродолжительной и ограничится формальными любезностями. Как вдруг Гарсия Диес, без какой-либо прелюдии, резко сменил тему беседы и, сославшись на поручение руководства своей страны, обратился к Москве с просьбой о предоставлении информации, которой она, возможно, обладала о деятельности баскских террористов. Присутствовавшие на переговорах советские представители, среди которых выделял нового заведующего Первым Европейским отделом МИД А. Л. Адамишина, просто опешили. Как мне показалось, оторопел и испанский посол Х. А. Самаранч. В кабинете, где проходила беседа, повисла гнетущая тишина — как в классической театральной пьесе. Оказался не готов к такому повороту событий и А. Н. Косыгин. Действительно, было по меньшей мере странно, что министр «экономического блока» совершенно неожиданно затронул настолько деликатную тему, о самой возможности постановки которой, тем более на уровне советского премьера, никто из тех в МИДе, кто готовил материалы к беседе, даже не мог предположить. На реакции А. Н. Косыгина, возможно, сказалось его самочувствие: выглядел он в тот вечер очень утомленным и

нездоровым. Так или иначе, но слова Гарсия Диеса глава советского правительства воспринял как некий упрек Советскому Союзу по поводу его отношения к баскским террористам. Не сомневаюсь, что он был осведомлен о кампании в испанской прессе, о которой говорилось выше. Отвечая собеседнику, А. Н. Косыгин решительно заявил, что Москва не имеет никакого отношения к деятельности террористов в Испании и тем более не оказывает им никакой поддержки. Гарсия Диес в свою очередь оказался весьма озадачен подобной реакцией, поскольку он и не пытался в чем-то нас упрекать, а лишь поставил вопрос об обмене соответствующей информацией. Но когда он снова «заикнулся» о террористах, то вновь получил с нашей стороны «железобетонный» ответ. Беседа из первоначально расслабленной и весьма приятной становилась все более жесткой и нервной. Серьезный дипломатический скандал, образно говоря, повис в воздухе и уже был на расстоянии вытянутой руки или одного неаккуратно сказанного слова. Посол Самаранч буквально вжался в кресло и явно не знал, что делать. Так хорошо развивавшиеся отношения между СССР и Испанией, в становление которых он старательно вносил свой личный вклад, могли на ровном месте пойти «под откос».

Мне было поручено переводить ту беседу. Опыта еще было мало, но я ясно понимал, что в складывающейся ситуации надо что-то предпринять, возможно, выйти за те рамки, которые предписаны переводчику. При этом мне было очевидно, что Алексей Николаевич Косыгин, прежде всего в силу, как я чувствовал, крайней усталости, не совсем верно улавливал смысл слов собеседника, который вовсе не стремился к конфронтации. Тогда, в самый разгар «холодной войны», когда Советский Союз перманентно находился под западным прессом, дипломатический термин: «решительно отвел измышления собеседника» был в большом почете и часто использовался — как устойчивое словосочетание — при записях бесед. Все шло к тому, что и на этот раз придется записать нечто подобное. В общем, я набрался смелости и, как бы переводя сказанное испанцем, объяснил действительный смысл его обращения. А. Н. Косыгин к моему удовлетворению и облегчению все воспринял правильно, умело перестроил беседу, после чего она снова вошла в теплое и дружественное русло. Конечно, с нашей стороны испанцам каких-то конкретных обещаний по части содействия в борьбе с терроризмом дано не было, поскольку этот вопрос нуждался в соответствующей проработке, но и никакого осадка недоговоренности и двусмысленности у наших собеседников не осталось. Таким было первое обращение испанцев еще к Советскому Союзу по вопросу о сотрудничестве в противодействии терроризму, которое чуть было не обернулось большим конфузом. Кстати, после беседы А. Н. Косыгин меня тепло поблагодарил за перевод. С другой стороны, некая неуклюжесть, проявленная Гарсия Диесом при выстраивании беседы, — вполне допускаю, в силу его неопытности и даже нервозности вследствие масштаба личности собеседника — также стала наглядным уроком, насколько важно в беседе правильно расставлять акценты. Похвалил меня за смелость и Анатолий Леонидович Адамишин, мой непосредственный шеф. В то время он был основным спичрайтером А. А. Громыко и включил меня в группу своих помощников при подготовке речей министра. Его одобрение и поддержка тоже дорогого стоили.

Через полтора месяца после описываемых событий, в первой половине января 1979 года, в Москву прибыл другой высокопоставленный эмиссар молодых демократических властей Испании — министр иностранных дел Марселино Ореха Агирре. В материалы для бесед с ним был включен заблаговременно подготовленный пассаж по проблемам терроризма. Однако испанцы в тот раз эту тему не затронули [3, с. 25–27; 4].

Литература

1. Дубинин Ю. В. Становление современных российско-испанских отношений // *Международная жизнь*. 2011, № 1.
2. Los 90 ministros de Franco. — Barcelona, DOPESA, 1971.
3. Орлов А. А. Проблема терроризма в Испании: ЭТА — «ударный отряд» баскского национализма. — М.: Русская панорама, 2009.
4. Орлов А. А. Единая и неделимая родина всех испанцев // *Международная жизнь*. 1998, № 7, с. 54–60.